

Дорогие мои! Пишу Вам уже третье письмо, благодаря любезности и вниманию Анчи. От Вас получила всего одно и очень за Вас беспокоюсь. В газете сообщения из Венгрии перечитываем мы с Игорем раза по три каждое, стараюсь что-то вычитать, что дало бы понятие и о Вашей жизни, но - тщетно.

У меня все по старому, работаю много, так как снова стала писать статьи, которые, в недалеком будущем, надо полагать, создадут мне опять некоторое количество врагов, но делать нечего. Печатать - пока печатают, главным образом в "Знамени". дальше посмотрим.

Игорь все еще мотается между небом и землей, загружен домашними делами настолько, что ни демобилизацию довести до конца, ни заняться мало мальски ни серьезной работой - совершенно не в состоянии. Вырвется на сутки ко мне - напишет две три заметки для Информбюро (дома и этого нельзя), а потом опять бежит за карточками, моет посуду и нянчит детей. Это до того грустно, что я бы уж предпочла, чтобы он лучше опять какой-нибудь роман затеял, тут хоть мне горе, да ему то хоть маленькое развлечение, а так уж совсем плохо. Но - обещает, что это скоро кончится, начнет будто серьезно работать.

В материальном отношении - жизнь у нас медленно, но верно становится легче и легче. Цены на продукты и на вещи тоже систематически падают, деньги дорожают. Конечно, не по этой причине, но по какой - не знаю, стала я быстро толстеть, так что если это так будет продолжаться, то когда мы увидимся, буду как бочка. Можете себе представить?

Миша все в Ленинграде и, несмотря на все обещания, я уж не верю, что его отпустят. Все, все возвращаются, только он все сидит и сидит там. Пропал человек, совсем пропал. Вот он теперь даже и не пишет нам больше, это значит, что уж в полном отчаянии. А что делать?

MTA FIL. INT. Дорогие мои Гертруд и Юри, пишу я все не о главном, но главное Вы вероятно понимаете и без слов, что нас всех сейчас заботит: положение у Вас и в других странах. Мы о нем знаем, разумеется, очень мало, но и того, что знаем достаточно, чтобы не быть настроенными слишком розово, правда? Впрочем, Вы, быть может думаете иначе, Вы Юри всегда обладали здоровым оптимизмом и именно

поэтому мне так хотелось бы знать Ваше мнение о происхождении.

Дорогие друзья, напишите мне, не слишком ли Вам трудно читать мои письма по русски. Тогда я по попробую высказываться на немецком языке, но тут Вас будет затруднять мой куриный почерк, так как немецкие машинки у меня нет.

А дура я, все-таки стала, и старости! Уверена, что Игорь, при все своей загруженности, пишет Вам письма поинтересней, чем я. Ну, как говорится, чем богаты, тем и рады.

Не забивайте меня, мои дорогие, при личном свидании обещаю быть поумнее.

Крепко целую и обнимаю Вас

Ваша
Елена

MTA FIL. INT.

Lukács Arch.

164443-1458/4

Дорогие мои Гертруд и Юрий!

Сегодня пришла Анчи и принесла письмо от Вас к нам, а также показала письмо, которое она от Вас получила, так что у меня теперь довольно ясное представление о Вашей жизни. И довольно печальное. Так беспокоюсь за Вас, что и сказать не умею. Тяжкую кашу мне пришлось, конечно, пережить, бывало и хуже, но то было в молодости, когда все переживается легко, потому что кажется, что вот-вот, еще одно усилие, еще вот на одну горку подняться, а там - счастливая и просторная жизнь. Сейчас это трудно.

Сегодня воскресенье и Игоря нет, он проводит воскресенье с детьми. Завтра придет и тогда я покажу ему письмо, а потом мы подем его Мише. Миша все еще в Ленинграде, но надежда теперь есть на его приезд. Я была у Еголина и он мне наверняка обещал отхлопотать Мишу. Игорь демобилизуется, уже есть приказ о демобилизации и теперь осталось только несколько дней на всякие формальности. Его очень просит к себе работать Володя, предлагает интересную работу и хорошие материальные условия, т.ч. я думаю, надо будет согласиться. Я работаю по прежнему, но стала писать статьи - их берут, так что с этой стороны у меня особых хлопот нет. Открылся новый журнал - критико-библиографический, культурно-политический и прочее. Правда, редактор его Еголин, а член редколлегии Четунова, скучная и неумная женщина, но писать там, видимо можно, они гонятся за острыми статьями, так как всем надоели критические статьи без критики. Так что в этом отношении как будто чуть-чуть полегче стало.

Анчи выглядит хорошо, розовая и полная, видимо вполне здорова. Разумеется, скучает без Вас, но с этим уж ничего не поделаешь. Скоро у нее отпуск, просила ее во время отпуска почаще к нам заходить. Надо будет, чтобы Игорь познакомил ее с какиминибудь хорошими и интересными людьми ее возраста (у меня таких нет, а у него всегда - на все вкусы) а то у нее, пока совсем нет среды. Показывала мне Анчи последнее письмо Ферри, из которого видно, что дела у него обстоят уж не так страшно, как показалось по прежним. Главное отсутствие книг и одиночество, в материальном отношении не так уж страшно, а главное ребенок поздоровел. Книжки мы ему постараемся достать, если он напишет, что именно ^{ему} ~~мне~~ нужно.

С тех пор как Вы уехали, я каждый день с особым вниманием читаю в газетах все что пишется о Венгрии, но понять там что-нибудь, кроме того, что реакция (как и всю

ду) поднимает голову - очень трудно. Конечно, весной постараюсь непременно к Вам приехать в гости. Боюсь только, что это будет черезчур сложно, если принять во внимание что с русскими деньгами там делать нечего, а при такой инфляции, о которой Вы пишете, как же там прожить хотя бы и недолго?

А повидаться очень хочется. Грустно на старости лет расставаться с испытанными друзьями. Их осталось так мало. Но так или иначе с Вами то мы еще увидимся, а дела (общие) еще поправятся, ведь история-то все-таки работает на нас, что-же касается "Умвеген", то без них ведь ничего не бывает. Поглядим.

Машинку, как видите мне очень неплохо переделали и я ожила. Она гораздо легче, чем та, на которой я работала до сих пор и это значительно облегчило мою судьбу. Ведь мне иной раз приходится делать от полутора до двух листов в сутки. Это, кроме всего тяжелый физический труд и теперь я меньше устаю от него.

Завтра придет Игорь, и конечно тоже Вам напишет. А я заканчиваю. Будьте здоровы и бодрь, мои дорогие, крепко Вас обнимаю

Ваши

MTA FIL. INT.
Lukács Arch.

X 9-68-7

1446 43-14 58/2

Дорогие мои, любимые Гертруд и Юри!

Вчера позвонила Анчи, что сегодня зайдет за письмом. Это так мило с ее стороны, что она никогда не забывает мне сказать и я всегда могу написать тоже несколько слов. Хотя писать то собственно говоря почти нечего, со времени моего последнего письма мало что изменилось, точнее говоря, ничего, разумеется не изменилось в моей жизни. Миша попрежнему в Ленинграде и даже перестал писать. Игорь все еще не работает: Рая объявила, что она переутомлена и больше ничего не может делать. Вследствие этого он теперь нянчит детей, моет посуду, ходит по магазинам и варит обед. Это продолжается уже больше двух недель, так что он не может ни зарабатывать ничего, ни даже закончить дела со своей демобилизацией и чем это кончится просто даже представить себе не могу.

Я по прежнему работаю много, но без аппетита. Такие отрывочные и одинокие статьи вряд ли имеют смысл, когда кругом не пишет ни один единомышленник, да и сама пишешь на разные темы и без определенного удара в одну точку. Да и среды нет. Мечтаю о свидании с Вами. Сколько у Вас, Юри, должно быть новых мыслей, наблюдений, умозаключений!

Праздники мы провели тоже с думами о Вас, как то Вам в эти дни и, что Вы на верно вспоминали о нас и о старой родине. Пишите при всякой возможности все о себе и о том, что там у Вас делается. Из газет просто даже догадаться трудно. Как Вам живется материально? При такой инфляции, вероятно, очень трудно организовать более или менее регулярную жизнь. Как здоровье Вас обоих? Очень мне беспокоит за вас. Годы не те, чтобы вести такую "прекратительную" жизнь, какую Вам вероятно приходится вести. Хорошо бы если-бы хоть весной удалось свидеться, приехать к Вам что-ли на несколько дней, посмотреть как и что. Этот план у меня все время в голове и уж как-нибудь да я его осуществлю.

Мы все более или менее здоровы, Марина у меня учится и веселится, так что я ее даже и вижу мало. Ну все-таки приятно, такое существо поблизости, а то бы и совсем радостей не было. У меня сегодня что-то полный упадок духа и мне страшно жаль, что я пишу письмо именно в таком настроении. Но вы ведь знаете, что это у меня бывает довольно редко, что через несколько дней я смогу написать Вам гораздо весе-

лее и не станете обращать внимания на мою воркотню, правда? Я думаю, дела наладятся и станут лучше. В материальном отношении могу прямо сказать, что у нас жизнь становится из месяца в месяц лучше и легче. А остальное, разумеется придет.

Анчи говорит, что Ферри пишет теперь уже не такие печальные письма. Игорь тоже получил от него письмо и говорит, что дела не так плохи. Анчи у Вас - чрезвычайный молодец. Храбрая и стойкая маленькая женщина, с чрезвычайно развитым чувством ответственности, прекрасный товарищ.

Крепко Вас целую мои дорогие. Не забывайте нас всех, пишите почаще. Не пройдет и года, как мы увидимся. Что Вы теперь пишете, Юри?

Ваша Елена

MIKA FIL. INT.
Lukács Arch.

144643-1458/3

5.1.1946

Дорогие мои Гертруд и Эри!

Ну, прежде всего, разумеется, поздравляю Вас с Новым Годом, от всей души желаю успехов в нем Вам и Вашей стране. Ваши письма, Эри так интересны, столько раз ясняют в положении, что для меня огромное событие получать их и я всегда их жду с нетерпением. Письмо Гертруд (не к нам, а к детям, Анчи дала мне его прочесть) было такое грустное, и грусть его была мне так понятна, что мне захотелось обнять ее, но кто знает, когда это удастся сделать на самом деле. А мыслями и я, и Игорь всегда с Вами.

Игорь много работает, но, по обыкновению урывками, только сейчас, вместо гулянок - занимается детьми и хозяйством. Работает он для Информбиро. И как всегда, то что он делает, он делает великолепно, лучше всех.

Я написала несколько больших статей (между прочим, статья о Серг. Денском, с оценками прямо противоположными Заславскому в "Больш." уже напечатана в "Знамени". Собираюсь написать еще кое-что, но собираюсь довольно медленно. А так у нас все благополучно, все здоровы, Марина учится. Вот только с Мишей беда: ну, никак не удастся вытащить его, просто не могу себе представить, чем это наконец кончится. Он нам теперь никому не пишет, думаю, что он в полном отчаянии. Сделала уже все возможное, а результатов - никаких. Так что мы с Игорем принуждены ограничиваться общением друг с другом, а как ни верти этого несколько мало. На праздники приезжал из Армии его друг по фронту, подполковник Таран. Человек, необыкновенно милый, 27 лет, типичный продукт как ни как социалистических отношений. Но, как сами понимаете, совершенно другого типа, образования, круга интересов. А так, не то, чтобы дружить, мало кого и видишь.

Обрадовали меня Эри Ваши литературные успехи. Жаль только, что все это именно на венгерском языке. С этого языка у нас реже переводят. Если-бы хоть французский, если уж не английский.!

А быть может, сейчас это вообще будет легче. У нас, что-то даже Неликарпов заговорил о шовинизме и прочем, стало быть начинается же отрезвление.

Крепко Вас обоих мои дорогие обнимаю, пишите чаще, у Вас новостей больше

MTA FIL. INT.
Lukács Arch.

Ваши

7 марта 1946 г.

Дорогие мои Гертруд и Юрий !

К сожалению это письмо к Вам мне приходится диктовать, так как я уже больше двух месяцев лежу в постели и мучаюсь, как проклятая. Мой хронический радикулит принял острую форму и ликвидировать его никак не удастся. Месяц я лежала дома, три недели в больнице, теперь опять дома, а острые боли продолжаются и я уже совсем пришла в отчаяние. Так досадно, что в ответ на Ваши чрезвычайно интересные и отражающие такую полную общественную политическую жизнь письма, мне остается отвечать лишь стонами боли, так как я так ослабе ла, что даже газеты читаю с трудом и кое-как. Сейчас надо мной проводят очень мучительное лечение, после окончания которого мне может быть станет легче. Тогда напишу Вам более интересно и более веселое письмо. Вчера мне звонили какие-то приехавшие от Вас товарищи, которые собирались сегодня в 1 час прийти и передать что-то от Вас на словах. После их визита я еще кое-что, вероятно, добавлю, а сейчас кроме описаний различных симптомов заболевания я просто не имею что сказать. Аньчи заходит часто и с каждым разом она мне все более нравится. Игорь вероятно сам Вам напишет что-нибудь более интересное, но пока его еще нет.

Во всяком случае, успехи Юрия меня страшно радуют и потому, что теперь он развернется во всю, а также и по более практическим соображениям, что Вам в это страшное время в Вашей стране не придется голодать, чего я очень опасалась.

Пока крепко Вас целую и обнимаю. Если Ваши товарищи найдут раньше, чем Аньчи, за письмом, то я еще припишу несколько строк.

MTA FIL. INT.
Lukács Arch.

Ваша Елена

145816-442241

Бама змалана Соня. Атра здарова, Дао
Бама Соло. Дау Бама речна собем;
Соняе постварат еу, ед ферум. ~~F~~
Ферум неубем хоромо, мам бера
Мноо. А Атра мрјудо, мрјудо?
Кренто у сају

Ген

MTA FIL. INT.
Lukács Arch.

1946 г. ян. 6.

Дорогие мои Ларри и Герри!

На днях была Анна и показала Вам письмо к Деннису, из которого
то мы узнали, что Вам не совсем хорошо. Это меня очень обрадова-
ло, а то был бы Вас очень беспокоило.

В субботу еду много музыки, свободно хожу по комнатам, си-
жу за письменным столом. Только машинка - "Strictly verboten",
приходится диктовать, или писать карандашом.

18-го июня еду к Марриетте в дом Ондерха на Риверсайд Бьюро, са-
ма посмотрю. Если буду звать Дорота, постараюсь организовать
поездку к Вам, но это еще неизвестно. Пока в очень сырой, утом-
лена, а главное - как-то не вижу дальнейших перспектив работы,
а это - самое главное в моей деятельности. Но, надеюсь
придет.

К осени в Москву придет Мэри и тогда - будет хватать
много Вас.

Утром - худ как утка, недорос, особенно меня раздражает его
сосиски, так что езжу с маленьким сервом и без всякой
вдохли.

За год, что Вас не было, в канцелярии всея мира было очень
спокойно, а то все занято срабатой, ну и - боже. В ста-
ти канцелярии в "Знамен" за прошедший год и одна в
"Октябре".

Марриетта перешла на третий курс со всеми отличными
отметками, теперь известна, парадается и вообще ведет
рассветную жизнь.

Очень хочется писать от Вас дальнейшие сведения о Вашей жиз-
ни и жизни Страры.

Как подвигаются дела со стабилизацией валюты? Это, в
дальше определится многое.

Дорогие друзья, помните ~~что~~ нам очень важно знать
Вашей загрузке.

Крепко обнимаю

Ваша Анна

Дорогие мои Петя и Зора!

На дух в вонюх, какой, из больницы, (косте 5 месяцев в больнице) вонюх на дух вонюх, на стух вонюх, из больницы, но ходим по улице смогу не скоро, да и кто знает, смогу-ли. Тонзулы хроническая (аппендикс, слюнные и еще что-то в этом роде) Тонзулы продолжают, но не такое острое. Ветская сырая, кемчого хонгу по вонюхе, кемчого мюгу мюхату (но не на машинке, закрежено.

В виду длительного пребывания в больнице, не могу сообщить никаких новостей, которых-бы Вы уже не знали от Игоря и Мими. Мими был у меня в больнице — он стал совсем шлох, но зато скоро переедет в Москву совсем и — ура! — в институт. О фруидендере Вам вероятно уже писали от Игоря.

К работе я еще не могу приступить, потому что сейчас перед самосто- рию, где придется очень подвертаться очень удивительными передеу- рию, а я еще слаба как комарик.

Пишите дорожку, что у Вас, Ваши дела новареней моих и где разуме- ется поинтересней.

Крепко обнимаю Вас обоих

Ваша Елена

1. IX. 1946

Дорогие мои Гертруд и Юрий!

Вот приятная оказия передать Вам письмо, не правда-ли? Как жаль, что не могу с такой радостью для Вас оказией передать и радостные вести. Что касается меня, то я в половине августа поехала, по совету врачей, лечиться от своего артроза в латвийский курорт Кемери. Там, в первый-же день заболела воспалением легких, соловкненным тем, что климат там оказался вообще совершенно нецелесимым для моей хронической инфеземы легких, так что я совсем не могла там дышать. Пролежала две недели с высокой температурой, а как только она упала, меня с медицинской сестрой отпр вили домой. Домой я попала в тропическую жару, слабая как котенок, ухудшилось состояние ноги и спина. Словом, хотя сейчас я немного окрепла, и даже пытаюсь приниматься за работу, но дело со мною очень неважно. Ходить я могу только по комнате, часто приходится прибегать к болеутоляющим. К тому-же страшная депрессия и от усталости, и от окружающей обстановки общего характера, которая далеко не улучшилась, скорее наоборот, как Вы вероятно догадываетесь, читая наши газеты. Да и мое финансовое положение в связи с такой длительной болезнью не блестяще, что тоже не способствует спокойствию душевному.

Игорь очень много работает, но выглядит он ужасно, как никогда, почти ничего не ест, худой, прямо похож на какую-то взчерошенную птицу, вроде бывшего австрийского орла. Сейчас он стал работать заведующим отделом теории и критики в журнале "Советская Литература" на английском языке, кроме того редактирует сборник воспоминаний об обороне Сталинграда, это работа на год, кроме того редактирует "Библиотечку разведчика" или что-то в этом роде, ухитряется еще писать рецензии для ОГиза. Настроение у него более чем неважное, чему есть ряд причин. О личном, личном и общественном, даже с такой оказией писать невозможно и вообще писать невозможно, но Вы себе представить не можете Юрий, как мне хотелось бы поговорить с Вами, как мне это нужно и как горько, что то, что было когда-то так доступно, сейчас недостижимая мечта.

Имши еще нет в Москве, он приедет только к октябрю, так как заканчивает в Ленинграде какую-то работу, если не ошибаюсь, свою кандидатскую диссертацию.

цию. Ей богу, можно бы смеяться, если бы не хотелось плакать от этой "кандидатской".

О Вас теперь стали меньше писать в газетах и я совсем слабо ориентируюсь, что у Вас делается, но то, что Вы приглашаете к себе детей заставляет думать, что дела у Вас, не только личные, но и общие идут на лад. Но хотелось бы знать более подробно. От Вас, Юрий, так давно не было писем, неужели уже стали забывать нас? Не верится. Мы о Вас вспоминаем каждый день. Тяжко, на старости лет переживать такие безнадежные разлуки. Конечно, если бы не моя болезнь, уж я бы как-нибудь до Вас добралась, но теперь об этом и мысли быть не может. Остается надеяться, что хоть Вы, быть может с какой-нибудь культурной делегацией, или что-нибудь в этом роде, приедете повидаться с нами.

Крепко Вас обнимаю и целую мои дорогие

Ваша

Улена

Сейчас ко мне зашли дети, Анчи и Ферри и оказалось, что я была введена в заблуждение Горватами, которые все перепутали и сообщили мне, что Ферри завтра едет в Будапешт и я думала, что Вы получите мое письмо через него, оказывается ничего подобного. Еще раз целую

MTA FIL. INT.
Lukács Archiv

1946 март. 1.

Дорогие мои Гертруд и Юрий!

Очень давно не было okazji и Вам и я Вам не писала. Да и писать по правде сказать, почти не о чем. Личное мое состояние, правда, улучшилось в том смысле, что я больше не лежу в постели. Но из дому я не могу выходить, нога очень ненадежна и боли продолжают, а зимой малейшее охлаждение грозит рецидивом, о котором я без ужаса подумать не могу.

Во всяком случае, хорошо хоть то, что по квартире я передвигаюсь свободно и могу работать. Но условия работы, которые Вам были хорошо известны в свое время, не улучшились, а пожалуй стали еще труднее. Впрочем, за нашей прессой Вы, конечно следите и кое-что о нас знаете. Народу я вижу очень мало. Игорь, конечно, бывает постоянно и подолгу, теперь, в связи с моей болезнью - гораздо больше чем когда бы то ни было. Миша заходит редко, он еще весь в хлопотах по переезду и устройству жизни. А кроме - бывают иногда Славин и больше никого из людей, которые действительно нужны, с кем хочется поговорить. Вас мне недостает страшно и это тем более грустно, что о моей поездке к Вам весной, в виду чрезвычайно неудовлетворительного состояния моего здоровья - и речи быть не может. Остается только надеяться, что Вы приедете к нам, по приглашению Кеменова. Очень хочется еще увидеться.

Ваше последнее письмо мы прочли с огромным интересом. Интересно, удастся ли Вам выполнить ту работу по изложению философии марксизма для западной интеллигенции, о которой Вы пишете, Юрий. Она действительно совершенно необходима при царящей путанице и разброде, а кроме Вас кому-же?

ВОКС недавно послал в Венгрию сборник моих статей (сть переработанные старые, но есть и совсем новые) Однако ответа от тамошних издательств с ~~отвечен~~ согласием на печатание - до сих пор нет, а это задерживает получение мною остальных сорока процентов гонорара. Игорь писал Вам об этом раза два, но я думаю, что Вы его писем не получили, так как ничего об этом не пишете. Мы Вашей открытки из Женевы, о ко-

торой Вы упоминаете в письме, тоже не получили.

С нетерпением ждем дальнейших писем от Вас, но, к сожалению Вы все реже балуете нас ими, а уж Вам-то ведь есть чем поделиться!

Дочка у меня здорова, цветет красотой. Вчера ей исполнилось уже двадцать лет. Когда Вы в первый раз пришли к нам, Юрий, она была маленькой девочкой. Это, кажется, единственное, что меняется в моей жизни за последние годы. (Того, что я быстро старею я считать не хочу)

Ну, кажется, больше мне и сказать нечего. Скучная стала старушка! Крепко Вас целую и обнимаю, дорогие друзья, жду писем

Ваша

Василина

Дорогие Гертруд и Юрий!

Ну, наконец-то у меня есть самая верная оказия, какую только можно вообразить, потому что даже с вашим сыном я не хотела писать все как есть, не желая его смущать. Впрочем, я думаю, Вы догадываетесь по газетам до какой степени неважно обстоят дела. Но все-таки хочется поделиться. Они так быстро ухудшаются (разумеется в идеологическом отношении), что трудно даже передать все как есть. Ну, в литературе, с новым приходом к власти ^{Ма}адеева - полностью воцарились Ермиловы и Вильмонты, Книповичи и ~~р~~ в этом роде. Однако, никогда еще до сих пор они не чувствовали себя до такой степени не связанными никакими марксизмами, никакими ленинизмами, никогда еще не выступали с такой оголтелой наглостью, как теперь. Удивляться тут нечему. Кому же Вы будете жаловаться? Что касается т. А., заведующего идеологией, то Вы всегда о нем имели некоторое представление. Но теперь - все уж ясно как под прожектором. О его лекциях по истории философии высказался на совещании сам хозяин. И высказался с обычной для него ясностью и точностью, назвав книгу катедер-марксизмом, аполитичной книжкой и указав на ряд, заключающихся в ней безграмотностей. После этого

MTA FIL. INT.

Lukács Arch.

состоялась дискуссия по этой книге в Институте Философии. Однако она была организована так, что выступали только люди, зависящие от того-же т. А. и критиковали они подхалимски, да притом и уровень их грамотности еще ниже его. Таким образом высказались до конца только Митин и Юдин, которым терять нечего. Разумеется об их марксистской образованности Вы имеете достаточное понятие, но так как в их распоряжении имеется известный Вам Брушлинский со всей его эрудицией, то их выступления были разумеется сенсационны по дополнительному разоблачению заключающихся в книге безграмотностей.

Но чему все это поможет? Ведь из под А. уже прорастают его заместители теперешние и помощники, которые еще почище его будут, так как в нем, по крайней мере нет угрюм-бурчеевской мрачной озлобленности.

Можете себе представить какая атмосфера царит теперь в нашей области и каково нам думать и писать. И где писать? В "Литературной газете" редактором сейчас Ермилов и ее в руки взять противно, не только что сотрудничать в ней. Таким образом и получается, что, я например, еще от времени до времени выступаю в печати, то в "Знамени", то в "Октябре", в зависимости от того против какого или за какого автора направлена статья. Игорь -

печатается исключительно в "Советской литературе на английском языке", где заведует критическим отделом. Даже его, очень интенсивная и полезная работа в Совинформбюро прекратилась, так как там тоже произошла смена людей и пришли такие, что ни бе, ни ме. Миша совсем не печатается, в уверенности, что стоит ему выступить, как уже в "Культуре и Жизни" (Не знаю попадалась ли Вам эта газетка, это орган Отдела Пропаганды ЦК, под редакцией того-же Александрова, орган, которого боится даже "Правда", который выступает абсолютно безапелляционно и почти каждое выступление которого - это катастрофа) так вот, что стоит ему выступить, как в этой газете, где ответственным секретарем работает Ковальчик, немедленно появится что-нибудь смертоубийственное.

Вот каковы дела. Все это создает довольно мрачное настроение. Несмотря на то, что мне теперь гораздо лучше физически, по крайней мере, я могу свободно двигаться по квартире (на улицу еще не выхожу) морально я в очень неважном состоянии. Игорь, тот совсем пропадает. Занимается чем угодно, только не своим прямым делом. Миша читает лекции в студии "Удоже. Театра. Сами понимаете, как это его удовлетворяет.

Я, по крайней мере, материально в не плохом положении. Зарабатываю внутренними рецензиями, редактированием и пр. С остальными и в этом отношении дело обстоит неважно.

ИИИ

8/8541-1458/8
Всем этим обясняется и то, что когда я пишу письмо чрезе
обычную оказию, то мне почти нечего писать. Писать о всяких мелочах
и пустяках не хочется, а самое главное, что нас интересует - не
поддается описанию.

Дорогой Юри. Очень Вас прошу ускорить в издательстве ответ в
Вокс по поводу моего сборника. Не нужно ни договора, ничего, а то-
лько телеграмма, что в принципе издательство собирается его печат-
ать. В такой телеграмме я очень заинтересована материально, по-
этому Вас прошу присмотреть за этим делом. (Из Вокса тоже выжили
Мазо, очень милую женщину и нашего друга, который всегда крр го-
рой за нас тоял.)

Ну вот. От Вас уже очень давно ничего не было и я иногда ду-
маю, что Вы уже нас забыли теперь. Но Вы все-таки пишете. Игорь
и Миша напишут завтра наверно, потому что неизвестно, когда Анчи
уедет.

Крепок обнимаю Вас обоих и целую

Ваша

MTA FIL. INT.
Lukács Arch.